

Что делать? Что делать? Извечный русский вопрос встал и перед ней — еврейкой. Хотя какая она, к черту, еврейка, если не знает ни идиша, ни иврита. Так, кое-что, через пень-колоду. Однако от еврейства своего натерпелась под самую завязку. О том, что «жидовское отродье», услышала еще в тридцатые, когда жили в Казани. Говорила это тетка, которую она, как и все дети огромного общежития, ненавидела. Тетка была большая и толстая. Мама сказала, тетка — бывшая лавочница. Теткин сын устраивал скандалы у единственной на весь этаж уборной. Он засекал, кто сколько времени пользовался этим заведением, и вывешивал соответствующие списки.

Рядом с их малюсенькой комнаткой была огромная комната — по крайней мере так ей казалось, — в которой жили Елена Николаевна и Алексей Иванович. Оба были красавцами, потому что ходили в таких одеждах, каких ни у кого, в том числе и у ее родителей, не было. Пара была бездетной, и их, малышей, иногда приглашали, угощая невиданными лакомствами — печеньем и мармеладом. Здесь она не слышала «жидовка», но «еврейка» — часто.

С тех пор всю сознательную жизнь знала: слово «еврей» приносит несчастье.

Долго, очень долго вспоминали отец и мать Казань: это был город их молодости, любви, рождения ее, Фиры. Мама окончила медицинский факультет Казан-

ского университета, отец — химический. Переезд из голодной Казани в теплую и сытую Одессу был, конечно, благом, но мама очень тосковала по клинике.

Одесса запомнилась ей ослепительным солнцем, которое приходило к ним через огромное «итальянское» окно. Окно выходило на бульвар Фельдмана, или, как теперь его называют, Приморский, на знаменитую Потемкинскую лестницу. Небольшую, но очень чистую белую комнату с высокими потолками, маленькую, но тоже белую кухоньку и белую-белую кошку Пушку видит она, когда вспоминает то время. А еще видит школу, учась в которой не думала о своем еврействе, потому что евреев в городе было много.

Все несчастья начались 22 июня сорок первого. Она помнит этот день лучше вчерашнего: воскресенье, отец и мама дома. Включили приемник — у них уже перед войной был приемник — и вдруг: будет говорить Молотов. А потом страшное — война. Нельзя сказать, что это слово было совсем уж неожиданным. В воздухе оно носилось. Но люди не хотели верить, принимать всерьез, не хотели об этом думать. В двенадцать дня выступил Молотов, а в семнадцать маме принесли повестку: она как врач должна была немедленно явиться на сборный военный пункт. Собирались недолго — самое необходимое. Маленький чемоданчик. На сборный пошли вместе.

Последующие дни, до эвакуации, помнит плохо. Отец приходил поздно. С черными кругами под

глазами. От мамы вестей не было. Еды тоже. Стояли длинные очереди. Говорили о немедленной эвакуации. Длинессу начали бомбить.

Это было, наверное, начало июля, когда отец сказал, что договорился с соседями: они собираются в эвакуацию, возьмут и ее. Сам он должен идти на фронт, хотя у него есть бронь. Но он не может, не имеет права оставаться в тылу, когда мама на фронте. Поступит как хозяин: вещи сдаст в ломбард, квартиру закроет. Она поплакала — очень страшно было оставаться без родителей. Потом смирилась.

Отец договорился с соседями — они уезжали — и посадил Дору Марковну, Риту и ее на теплоход. Добрались до Баку. Здесь были несколько дней. Истратили последние деньги: есть все время хотелось. И вновь море. При сильнейшей качке теплоход доставил их в Красноводск. Снова поезд. Почти полный голод. Денег не было. Продать что-то из вещей тоже не всегда удавалось. А поезд все шел и шел, через Ашхабад, Бухару, Самарканд в Коканд. В Коканде наконец-то высадили. Началась эвакуационная жизнь.

Уже в дни долгой дороги она поняла, что Дора Марковна и Рита, старше ее на пять лет, станут теперь самыми близкими людьми. Так оно и случилось. Дора Марковна была архитектором. Никогда не расставалась с карандашом, альбомом и папиросой. Со всем этим в войну было плохо, и Дора Марковна страдала. В своих альбомах рисовала она сооружения, украшенные смальтой. Это были очень красивые дома и дворцы. Картинки развешивали на стенах, где жили. Воплотиться в жизнь замкам-дворцам было не суждено. В Коканде архитектурные знания никому не были нужны, и Дора Марковна служила в какой-то столовой, где кормили эвакуированных, мыла полы, убирала посуду. Они с Ритой учились — Рита оканчивала школу. Их жилища постоянно менялись — пристроиться где-то основательно было невозможно. Спасало узбекское тепло. Чувство голода было непроходящим. Они очень поизносились: купить одежду и обувь было не на что. Тапки Дора Марковна шила из подаренных тряпок.

В сорок втором, в январе, случилось счастье: через военкомат удалось найти отца и маму. Пошли письма, которых ждали каждый день. Пришли денежные аттестаты, которые дали возможность занять всем троим по новому платью. Весной сорок второго Рита окончила школу. О дальнейшей учебе не могло быть и речи: нигде и не на что. Поэтому Рита пошла санитаркой в госпиталь — дали рабочую карточку. Она, Фира, тоже все лето ходила в госпиталь — помогать. За это кормили.

В июле от мамы пришла последняя коротенькая открытка. Она помнит ее наизусть. «Дорогие мои, — писала мама, — я нахожусь на юге и воюю вместе с нашими доблестными краснофлотцами. Здесь такой ад, что если и вырвусь живой, ничего не смогу рассказать.

Берегите себя. Ваша Юля». Такой была последняя мамина открытка, а от отца последнее письмо пришло в апреле. Аттестаты шли до конца сорок второго, потому долго думали, что отец и мама где-то в госпитале, ранены. И хотя весной сорок третьего было получено официальное сообщение, что оба пропали без вести — один под Керчью, другая под Севастополем, — ждали, очень ждали. Даже после войны.

В Коканде не ощущала антисемитизма. Горе — потеря родных и близких — коснулось почти всех. Заниматься выяснением, кто есть кто, видно, было недосуг, но зато уже потом, в Москве, слышала, очень часто слышала, что евреи не воевали, отсиживались в теплых местечках, берегли себя. Как больно и обидно было! Полное сиротство давало право негодовать, а уж потом, в конце войны, когда прочла о варшавских евреях, согнанных в гетто, но не потерявших достоинства, считавших, что если умереть, то умереть с честью, в борьбе, — поняла всю подлость лжи, возведенной на ее народ. Они, эти уцелевшие евреи, тогда так наподдали фашистам, что даже польские газеты писали: героизм евреев в варшавском гетто войдет в историю как пример неустрашимого мужества.

Получив тогда, в сорок третьем, сообщение, что родители пропали без вести, поняла: осталась одна, совсем одна. Теперь единственная ее родня — Дора Марковна и Рита. Отныне они и только они — ее семья. В конце сорок третьего стали хлопотать о пропуске — разрешении выехать из Коканда в Москву. В Москву — потому что в ней жил единственный брат Доры Марковны. В Москве Дора Марковна могла найти какую-то работу по специальности, а Рита — продолжить учебу. Да и по рождению Дора Марковна была москвичкой.

В Москву приехали в канун нового, сорок четвертого. Встречал Арон Маркович — натура тонкая, художественная. Несостоявшийся артист. Привез их в свои двенадцатиметровые апартаменты в Дегтярном переулке. Окнами «хоромы» выходили прямо на асфальт. Арон Маркович жил один, работал осветителем в Еврейском театре, у Михозлса. Трагедия, случившаяся с Михозлсом позже, коснулась и их семьи.

Работа для Доры Марковны нашлась в одной из архитектурных мастерских, Рита пошла в госпиталь и на курсы для поступления в мединститут. Для нее же, Фиры, эти военные и первые послевоенные годы в Москве были самыми формирующими. В школе интересно. У Арона Марковича много книг. Он часто, даже очень часто берет ее в театр. Она начала понимать идиш. Нутром ощутила: да, она еврейка, у нее резко выраженная еврейская внешность — густые черные вьющиеся волосы и глаза с извечной еврейской тоской. Но этого не нужно стыдиться, ибо этим ты унижаешь свой народ. Пренебрегать народом, к которому при-

надлежишь, — стыдно, преступно, какую бы клевету на него ни возводили. А в стране называли события, имевшие целью уничтожить не только еврейскую интеллигенцию, но и вообще всех евреев.

В сорок восьмом, еще до сошествия в ЦК, в январе убили Михозлса. Убили дико, подло — на энкавэдэшной даче. Они, знавшие Соломона Михайловича, не поверили никаким газетным рассказням. Уверены были: сделано все по указанию самого «верха». Именно в те скорбные дни пришла к выводу: Сталин — не просто антисемит. Сталин — убийца.

Чувствовала ли в те годы антисемитизм на собственной шкуре? Конечно. В десятом классе била морду девке, что обозвала жидовкой. Вначале опешила. Оцепенела. А когда поняла, рука со всей силой опустилась на физиономию. Никогда — ни до, ни после — ничего подобного не совершала. Теперь посмела. Такова была сила обиды, возмущенного человеческого достоинства.

Девчонки — это была женская школа — застыли в безмолвии. Она упала на парту и разрыдалась. Потом, ни у кого не спросившись, ушла. Думала, навсегда. Дома весь вечер и даже ночь обсуждали, что будет дальше: арестуют или нет. Куда идти работать без аттестата. Отдадут ли документы, если поехать учиться в Подмоскowie. И все-таки где-то под утро Арон Маркович, который после разгона Еврейского театра работал электриком в домоуправлении, убедил, что идти в школу надо. Обязательно надо. Иначе — трусость. Признание, что виновата. А она ни в чем не виновата. Она защищала себя, честь народа, к которому принадлежит. Он вспомнил о ее погибших на фронте родителях. И она пошла. Каково же было удивление, когда увидела: девчонки держатся так, будто ничего не произошло. Девки в школе не было. Она не появилась и на следующий день: перевелась в другую школу. Финал их отношений оказался неожиданным: встретились через десять лет. Встретились и не прошли мимо. Сели в сквере. О былом — ни слова. Девчонка приехала хоронить бабуку, что воспитала ее. Она тоже была круглой сиротой...

Вспоминая эту историю, всегда анализировала: что толкнуло человека произнести подлые слова? Глупость? Дурость? Какие-то убеждения?

Случай не отразился на школьной карьере. Училась всегда хорошо. Особенно выделяли химик и математик. На медаль не рассчитывала, но иметь как можно меньше четверок была обязана. Был негласный конкурс аттестатов. Подрезали на сочинении. Но она не горевала. Знала, если «пятый пункт» не помешает, экзамены сдаст. Решили: поступать будет в химико-технологический. Начиналась «большая химия».

Сдала все на отлично и даже сразу получила повышенную стипендию. Теперь тоже могла приносить в дом какие-то деньги. Рита оканчивала мединститут и работала сестрой в детском садике. Дора Марковна

трудилась в своей мастерской. И даже Арон Маркович, несмотря на пенсионный возраст, не позволял себе расслабиться. Жизнь как-то налаживалась. Беды пришли позже. И все вместе.

Началось все с «дела врачей». Теперь уже мало кто его помнит, а она — все, до капельки. В январе пятьдесят третьего вдруг сообщили по радио и в газетах: врач Лидия Тимашук разоблачила «осиное гнездо» — врачебный заговор против кремлевских вождей. Хотели врачи — почти всё еврейские фамилии — убить кремлевцев, ставя им неверные диагнозы. Рита, как только услышала, сказала: ложь. Даже если один-единственный врач сошел с ума и мог это сделать, группа самых известных профессоров — никогда. Ложь. Они думали, кому и зачем это нужно. Риту на третий день после сообщения отстранили от работы, хотя по документам она была русской: Маргарита Александровна Пастухова. Но кагэбэшница, работавшая в отделе кадров больницы, прекрасно помнила: мать Риты — еврейка. Рита предложила: будет работать без денег. Но ей сказали: уволена. Уволили и других врачей-евреев. Слухи, один страшнее другого, поползли по Москве. Евреев среди врачей было достаточно, и после первого шока люди начали жаловаться: лечиться-то стало не у кого. В больницах и поликлиниках врачебные места пустовали. И тогда после смерти Сталина дали обратный ход: в ночь с третьего на четвертое апреля пятьдесят третьего в «Правде» напечатали опровержение. Но чего стоило это трехмесячное «дело» врачам-евреям... Тюрьмы, болезни, смерти... Смерть пришла и в их дом. Дора Марковна молчала, но себя, свое еврейство считала повинным в несчастье Риты. И в конце апреля, двадцать пятого, в одночасье умерла. Умерла на работе. Сослуживицы рассказывали: на полуслове умерла. Только ойкнула. Было ей пятьдесят четыре. Тяжело пережили смерть Доры Марковны, а она поняла: второй раз осиротела. Дора Марковна заменила ей мать.

В марте пятьдесят третьего хоронили Сталина, но она не пошла ни в какие «почетные караулы». После врачебного дела возненавидела его окончательно. Об этом, боже упаси, ни с кем нельзя было говорить, и только дома, тщательно прикрыв двери и переходя на шепот, обсуждали, в чем причина людских страданий. Они не знали, что другие говорят о Сталине, тоже тщательно прикрыв двери, но понимали: Сталин, конечно же, незаурядный ум, но ум злой, даже хищный. Интеллект Сталина — аморальный.

Учиться в институте было интересно, и она хорошо сдавала экзамены. Вечера, вечеринки шли как-то мимо. Ей всегда любопытней было почитать, когда случалось свободное время. И все-таки молодость брала свое. Чувствовала: один из парней в группе — Володя Иванов — к ней неравнодушен. Старалась как бы отгородиться, не замечать этого, мысль о замужестве поче-

му-то всегда гнала от себя. У Риты, старше ее на пять лет, тоже никого не было. Но Ритины женихи были перебиты на войне, а она боялась, очень боялась, что человек, которого полюбит, которому доверится, вдруг оскорбит ее, ее национальное достоинство. Мысль, что близкий человек назовет ее жидовкой, была непереносимой. И вообще не верила, что русский парень может искренне полюбить еврейку. Однако Володя продолжал ненавязчиво ухаживать, а она переводила все в дружеские отношения.

Пятьдесят третий был для них с Ритой очень тяжелым. Тихо, медленно угасал Арон Маркович. Просил не класть в больницу. Сказал, плохо ему будет среди чужих. Рита лечила его сама. В конце декабря он умер. Еще при его жизни решили их переселить из полуподвала. Дали ордер на маленькую двухкомнатную квартиру на Соколе. Сокол был окраиной. Арона Марковича нельзя было перевозить. Они врезали замок, а жить продолжали в Дегтярном. Их торопили. В январе следующего года предстояла защита диплома, а до этого было распределение. На комиссии сказала об Ароне Марковиче. Из комитета комсомола пришли, проверили. Заявили: диплом дадим свободный, устраивайся сама. И хотя на каждом столбе были объявления: требуются, требуются, требуются химики, понимала — устроиться будет трудно.

Положение евреев после смерти Сталина не стало лучше, хотя громких дел не было. Но кадровики всех больших и малых учреждений и предприятий четко знали: евреев брать не следует. Чтобы устроиться, еврею надо было иметь много больше «за» по сравнению с неевреем. То, что нееврей получал просто так, за здорово живешь, еврей должен был заслужить, то есть иметь в своем рейтинге явное преимущество, а потому евреи понимали: должны учиться и работать так, чтобы руководители хотели их взять.

В начале пятьдесят четвертого целый месяц, как на работу, ходила из учреждения в учреждение. Выучила все организации и предприятия Москвы, так или иначе связанные с химией. Везде мило улыбались: мест свободных нет. И вдруг в один из зимних дней забрела на электроламповый. Ей не отказали. Сказали, может идти в кадры и заполнять анкету. Уже потом, проработав несколько лет, поняла: директор был мудрым человеком. Знал, что евреи, нашедшие на его заводе приют, будут работать в поте лица. И это действительно было так. Она вышла на работу третьего февраля и проработала на заводе пятнадцать лет, хотя труд был нелегким и очень вредным. Ртуть, проклятая ртуть отравляла все существо. Как, почему получилось, что сюда же был распределен Володя? Володя Иванов, что так ненавязчиво ухаживал за ней в институте. Судьба? Они встретились на второй или третий день в столовой. Работали в разных цехах, но какое это имело значение, если оба

радостно улынулись друг другу, если он сразу сказал: давай встретимся. Она решила: судьбу не перехитришь. А согласившись, не пожалела. События помчались ускоренно. Отношения стали развиваться с необычайной быстротой. Она больше не сопротивлялась, а только дала себе клятву: если хоть однажды он обидит ее из-за национальности, она уйдет.

Расписались в июле пятьдесят четвертого, а в июне следующего года уже родился Мишка. Беременность протекала тяжело, но она не давала себе поблажки. В заводской поликлинике попала к хорошей женщине-врачу, которая помогла ей и морально, и лекарствами. Проклятая ртуть делала свое дело. Несмотря на частые покраски стен и всего оборудования, ртуть в очень больших дозах присутствовала во всем и травила, травила постоянно. В эти годы получили они небольшой участок под Москвой, соорудили домик-сарайчик и здесь выгоняли из себя подлую отраву.

Уже в четыре месяца отнесла она Мишку в ясли: три года, как теперь, тогда с детьми не сидели. Закон да и обыкновенная реальная жизнь не были такими щедрыми. Жить Володя перешел к ним, благо комнатки были несмежными. И еще была радость: Рита с Володей очень подружились. «Спелись», как она говорила. Никаких скандалов, обид, недомолвок не было. И Рита, и Володя заставили ее тогда поменять фамилию. Ей было смешно и неудобно вдруг в одночасье стать Ивановой — с ее-то внешностью и именем Эсфирь Моисеевна. Ей казалось это нелепостью. Но после рождения Миши Володя так просил, чтобы вся семья, его семья, носила одну фамилию, чтобы ничто их не разделяло, что она сдалась. Володя оказался заботливым мужем и отцом. Прожив с ним сорок три года, ни в чем, абсолютно ни в чем не могла его упрекнуть. Смерть его в девяносто седьмом пережила как самое большое горе. Умер он, как и жил — никого не намучив, не потревожив. Мгновенно.

Тяжко перенесли они смерть Володи. Очень им с Ритой его не хватало. И теперь, когда прошло уже два года, бывают дни, когда она не может остановиться. Слезы льются и льются сами собой. В такие дни даже не едет к Рите. В семьдесят девятом они с Володей и Мишей купили маленькую двухкомнатную кооперативную квартиру у Речного вокзала, а Рита осталась в старой, на Соколе.

Миша приезжал на похороны. Горевал и плакал. Почему уехал в Израиль? Наверное, потому, что хоть и Иванов Михаил Владимирович, а сердце имеет еврейское. Умного, способного мальчика они родили. Как нынче говорят, в любви зачатый и рожденный. Проблем с учебой никогда не было, и как-то так получилось, что лет десяти заявил: стану хирургом. Может, прочитал что, может, фильм какой увидел. А главное — Рита, обожавшая его с рождения. Ее рассказы о трудных

больных, которых вытаскивала с того света, сделали свое. В старших классах сын много читал о медицине. Летом работал санитаром в Ритиной больнице. Потом поступил в институт без денег и блата. На несколько голов был выше тех, кто шел вместе с ним. И учился прекрасно. А распределен был, как и просил: в Ритину клинику. Но многое, очень многое не устраивало парня. И как-то сказал: «Не хочу, не могу, чтобы однажды тупая толстая рожа сказала: ты — жид, сиди и молчи. Не хочу, как вы с отцом, быть невыездым». После пятнадцати лет работы на заводе они с Володей перешли в режимный НИИ, в котором пропахали еще двадцать лет, защитив диссертации. Короче, решил сын уехать, хотя работал уже над докторской и имел семью. Света, жена, русская, поддержала.

Особых проблем с отъездом не было. Иванов, но мать — еврейка. Таких брали. Как пережили Мишкин отъезд, один Бог знает. Наверное, тогда болезнь начала подтачивать Володю. Очень страдал. Но держал все в себе. Не жаловался. Только в глаза его грустные не могла она больше смотреть. Плакать, как они с Ритой, не смел.

Как сейчас живет Мишка? Хорошо живет. На паях с товарищем имеет клинику. Света тут же работает. Михал Михалыч собирается продолжить профессию родителей. А вот они с Ритой — одни. Совсем одни. Две старухи. Конечно, по здравому смыслу — нужно уезжать. Как обидно и отвратительно бывает, когда на экран телевизора вдруг выползает бритоголовое или с усиками а-ля фюрер нечто и начинает вещать, какие все евреи сволочи. Поистине, если не делается лучше — становится хуже. Но Рита ехать не хочет. Почему? Чем больше думает, тем больше приходит к выводу: несмотря на мать-еврейку, жизнь в еврейской семье, Рита человек с русским менталитетом, унаследованным от русского отца. И внешне она русская. От матери ничего не взяла. Разве только неизменную сигарету. Сорок лет простояла за хирургическим столом, а когда совсем отказали ноги — тромбоз флебит — не бросила работу: еще десять лет прослужила в поликлинике. Не хочет ехать, потому что не чувствует себя еврейкой, хотя формально имеет полное право. Однажды даже сказала: «Зачем Землю Обетованную обременять русскими могилами...» Значит, как и по паспорту, она — русская. Ехать же без Риты — исключено: они не сестры и не кровная родня, но ближе, много ближе истинно родных.

И все-таки у них с Ритой есть камень преткновения — религия. Рита — ярая атеистка. Она же считает: вера — дело души. Володя сам в церковь не ходил, но ее очень понимал. Она же полагает: вера — всегда результат пережитого опыта, часто утрат, страданий. Любить Иисуса, понимать христианскую идею — хотя до

полного понимания ей, конечно же, далеко — научил отец Александр Меня. Необычайно красивый, мудрый и абсолютно свободный человек. Свободный в невольном обществе. Его эрудиция, гармоничность завораживали. Некоторые называли его религиозным гением, который жил верой и любовью к людям.

Бывая на выступлениях Меня, слушая его проповеди, видела, как люди тянутся к нему, впитывая каждое слово, как читают его книги. Тысячи прежде ни во что не верящих он обратил в христианство, особенно когда начал выступать по радио и телевидению. Его выступления несли не угрюмую религиозность, а радость, ясность, открытие. Уверена, отец Александр пал жертвой заговора. И сделали это те, кто хочет одного — православия на черносотенный лад.

Она часто думает: будь у нее хоть тысячная доля силы убеждения отца Александра, не уставала бы объяснять, как неверен путь тех, кто идет в ряды фашиствующих. Накочав силу и мускулы, от бездумья и одиночества попадают в стаю, которой ловко манипулируют сволочи и антисемиты. Цель — власть над толпой. Нужен враг, обязательно враг. Враг этот — еврей.

Россия больна, очень больна, потому зараза тут же востребована. Гнев, недовольство людей надо на кого-то направить. Этот «кто-то» — еврей. Но много ли евреев осталось? Так, жалкие полукровки. Предстоит последний исход. Как сказано у Якова Козловского:

Когда в России по велению власти
Всем племенам вновь подытожат счет,
Народ еврейский и десятой части
От прежнего числа не наберет.

Уедут или погибнут в погромах последние евреи, а вот антисемиты все равно не успокоятся. Они будут выискивать «скрытых» — всех тех, кто сегодня считает себя чисто русским или полагает, что антисемитизма в России нет.

О господи! Если бы она имела хоть тысячную долю способностей отца Александра! Она бы объясняла и объясняла людям, что беды не от евреев как нации, а от конкретных казнокрадов и взяточников, честолюбцев, пьяниц и растлителей, которых полно в любом народе.

А еще — она рассказала бы людям, как в далекой древней Андорре жил человек, которого все считали евреем, потому что видели в нем некую «специфичность»: острый, все расчленяющий ум, любовь к деньгам и прочее. Когда он умер — а его убили, — все узнали, что был он найденышем и таким же андоррцем, как и другие. Андоррцы, смотрясь в зеркало, с ужасом видели, как на месте их лика проступают черты Иуды...